ВОСПОМИНАНІЯ
О
МОСКОВСКОМЪ КОММЕРЧЕСКОМЪ УЧИЛИЩѢ
1831—1838 ГОДОВЪ

(Посвящается моимъ однокашникамъ.)

Прочтя въ *Современникѣ* весьма интересную статью *Воспоминанія о воспитаніи въ Горномъ кадетскомъ корпусѣ 1815—1822 г.*, я нашелъ ее гораздо занимательнѣе чѣмъ иная повѣсть, или описаніе заграничнаго путешествія. Статья понравилась мнѣ, быть-можетъ потому въ особенности, что многое подобное описанному въ ней я испыталъ на себѣ, когда былъ воспитанникомъ въ Московскомъ Коммерческомъ училищѣ; но только мои воспоминанія относятся къ гораздо-позднѣйшему времени, а именно уже къ концу тридцатыхъ годовъ. Какъ бы то ни было, рѣшаюсь и я обратиться къ своимъ воспоминаніямъ, имѣя въ виду, въ особенности, моихъ бывшихъ однокашниковъ; ихъ довольное число, и многіе изъ нихъ занимаютъ, въ настоящее время, не маловажную роль въ коммерческомъ мірѣ; можетъ-быть они не безъ удовольствія припомнятъ, вмѣстѣ со мною, свои дѣтскіе годы.

О первоначальномъ моемъ воспитаніи сказать мнѣ многаго нечего. Отецъ мой, человѣкъ, по тогдашнему времени, очень образованный (онъ получилъ воспитаніе въ Московской Практической Коммерческой Академіи), и вдобавокъ, человѣкъ характера весьма справедливаго, но строгаго, не жалѣлъ денегъ на наше воспитаніе. Насъ было у него двѣнадцать человѣкъ дѣтей: шесть сыновей и шесть дочерей, и всѣмъ онъ старался доставить образованіе; траты на это, по тогдашнему его состоянію, выходили довольно значительныя; но за то отецъ требовалъ, и строго требовалъ, чтобы не даромъ пропадали его рубли.

Первоначально учился я, вмѣстѣ съ сестрами, у гувернантокъ, которыхъ у насъ, въ купеческихъ домахъ, по тогдашнему обыкновенію, называли мамзелями. Это были дѣвушки не очень молодыя и не очень старыя, но вообще невзрачныя, по большей части изъ институтокъ, и мѣнялись довольно часто. Во время классовъ, передъ каждою изъ нихъ обыкновенно лежала изукрашенная плетка. Почему такъ завелось, по ихъ ли собственному желанію, или по волѣ родителей, объяснить не могу, только, къ чести нашихъ воспитательницъ, долженъ сказать, что плетка употреблялась ими въ дѣйствіе очень рѣдко; напротивъ, насъ, мальчиковъ, если мы знали хорошо, или даже только сносно урокъ, онѣ довольно часто награждали даже жаркими поцѣлуями. Вообще, гувернантки были гораздо милостивѣе къ намъ нежели къ сестрамъ, и даже къ шалостямъ нашимъ гораздо снисходительнѣе,—потому ли, что отъ дѣвочекъ естественно должно было требовать гораздо большей скромности чѣмъ отъ мальчиковъ, или и по другой какой причинѣ, предоставляю рѣшить читателю.

Въ послѣдствіи, меня съ братомъ отдали въ пансіонъ Лехнера, довольно неважный и небольшой; пансіонеровъ было въ немъ отъ 20 до 30 человѣкъ, но все дворяне, были даже и незначительные князьки. На насъ, какъ на купцовъ, смотрѣли они свысока, и безпрестанно обращались къ намъ съ подобными шуточками: «ну, ты купецъ, на спинѣ рубецъ!» Мы отвѣчали на это своимъ: «а ты—князь, да по колѣна грязь». Отсюда происходили между нами споры и драки: онъ гордился своимъ родомъ, мы богатствомъ; онъ крестьянами (при немъ, даже въ пансіонѣ, былъ крѣпостной слуга), мы своими рысаками и богатыми экипажами, которые присылались за нами по субботамъ. Но увы, собственно мы съ братомъ укатывали на своихъ рыса-

какъ не болѣе какъ разъ въ мѣсяцъ; отецъ полагалъ, что дома мы можемъ избаловаться, и потому старался брать насъ домой какъ можно рѣже. Но наши товарищи-дворяне отправлялись обыкновенно каждую недѣлю. Содержатель пансіона, разсчитывавшій каждую копѣйку, естественно былъ недоволенъ тѣмъ, что насъ рѣдко брали, а потому очень недоволенъ и нами, и дѣлалъ намъ всевозможныя придирки. Вѣрно вы дома, говорилъ онъ обыкновенно, ведете себя очень дурно, что родители такъ рѣдко васъ берутъ. Мы не были въ любви у содержателя и потому, что отецъ, платя съ необыкновенною аккуратностію что̀ слѣдовало за насъ, никогда не прибавлялъ, сверхъ того, особыхъ подарковъ содержателю, что̀ между тѣмъ всѣми принято было за правило. Несмотря на частыя убѣжденія матери, отецъ никакъ не соглашался слѣдовать въ этомъ случаѣ общему примѣру, полагая, что подарками можно заставить содержателя только баловать насъ и потворствовать намъ; а этого онъ боялся пуще всего.

Словомъ сказать, жить въ пансіонѣ до того было намъ не весело, что, когда отецъ задумалъ отдать насъ въ Коммерческое училище, я сильно боялся, чтобъ онъ, вслѣдствіе настоянія матери, не отказался отъ своего намѣренія. О казенныхъ заведеніяхъ молва ходила у насъ вообще неблагопріятная; мать наша боялась и худой тамошней пищи, и обязанности ранняго вставанья, и казеннаго некрасиваго платья, и грубаго обращенія, и проч. и проч. Сильно упрашивала она отца, чтобы насъ отдали лучше въ извѣстный пансіонъ Чермака. Нашего мнѣнія, разумѣется, тогда и не спрашивали. Но мое желаніе исполнилось; отецъ мой былъ, что̀ называется, полнымъ хозяиномъ въ домѣ, и настоялъ на своемъ.

Въ это время Московское Коммерческое училище было въ полной славѣ. Директоромъ тогда былъ Титъ Алексѣевичъ К—ій, компиляторъ всеобщей географіи, имѣвшей безчисленное множество изданій, благодаря впрочемъ тому единственному обстоятельству, что авторъ былъ директоромъ въ Коммерческомъ училищѣ. Это былъ человѣкъ чрезвычайно искательный, хитрый и вкрадчивый; лицо у него было довольно пріятное, фигура презентабельная, манеры ловкія, à la Чичиковъ. Вообще я долженъ сказать, что когда я хочу олицетворить въ моемъ воображеніи фигуру Чичикова, мнѣ всегда такъ и представляется К—ій. Наконецъ, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ московскихъ генераловъ, которыхъ, въ тогдашнія времена, поставляли офи-

ціянты на балы и парадные праздники, въ богатые купеческіе дома, вмѣстѣ съ обѣденнымъ столомъ [1].

Директоръ былъ знакомъ почти со всѣмъ извѣстнымъ московскимъ купечествомъ, и потому дѣти купцовъ, въ его время, большею частію воспитывались въ Коммерческомъ училищѣ.

До поступленія въ директоры, К—ій былъ адъюнктъ-профессоромъ статистики въ Московскомъ университетѣ (впрочемъ, увѣренно объ этомъ ничего сказать не могу); но вообще образованія онъ былъ весьма недальняго, особенно для занимаемаго имъ мѣста. Языковъ онъ почти совсѣмъ не зналъ. По-нѣмецки онъ еще могъ говорить, и то только для посѣщенія воспитанниковъ; по-французски, по нашему школьному выраженію, не могъ онъ ни въ зубъ толконуть, а по-англійски, вѣроятно, не зналъ и азбуки. Вслѣдствіе этого, по пословицѣ: «каковъ попъ, таковъ и приходъ», и въ школѣ у насъ нисколько не обращали вниманія на практическое изученіе иностранныхъ языковъ. Воспитанники сочиняли на иностран-

---

[1] Для незнающихъ разкажу, что̀ значилъ обѣдъ съ генераломъ.

У какого-нибудь богатаго и извѣстнаго купца именинница жена. Онъ хочетъ задать пиръ; призываетъ офиціянта, заказываетъ ему обѣдъ, назначаетъ блюда и число служителей.

— А не угодно ли, Иванъ Терентьевичъ, говоритъ офиціянтъ,—я вамъ могу предоставить на вечеръ и генерала; только это будетъ сто ить сто рублей дороже. Впрочемъ, можетъ-быть у васъ и безъ того приглашены генералы, прибавляетъ онъ, разумѣется зная напередъ, что генерала ни одного не будетъ, и разчитывая на честолюбіе Ивана Терентьевича.

— Акулина Савишна, а , Акулина Савишна! обращается Иванъ Терентьевичъ къ своей непрекрасной, но толстой половинѣ.—Хошь, задамъ для твоего ангела обѣдъ съ генераломъ?

— Вѣстимо, хочу; вотъ и у Марьи Терентьевны, въ послѣдній разъ, было даже два генерала.

— Какже, сударыня, я имъ ихъ и предоставилъ, говоритъ офиціянтъ.

— Ну, валяй, съ генераломъ, такъ съ генераломъ!

И тутъ ужь у нихъ начинается обычный торгъ.

За что̀ офиціянтъ накладывалъ 100 рублей, не знаю; пользовался ли онъ просто глупою спѣсью купцовъ, или же соображалъ, что, ради генеральскаго присутствія, надобно и кушанье приготовить поизящнѣе чѣмъ для прочихъ смертныхъ,—не могу сказать. Но рѣшительно могу утвердить, что генералы въ такихъ случаяхъ ѣздили обыкновенно даромъ, чтобы хорошенько покушать, и денегъ за это не брали. К—му я этого даже не ставлю въ слишкомъ-большую вину; по занимаемому имъ мѣсту, ему необходимо было обижаться съ купеческимъ обществомъ.

ныхъ языкахъ серіозныя рѣчи, напримѣръ, разсужденія о французской литературѣ, о пользѣ химіи и тому подобное, а не могли вести самаго ничтожнаго разговора, даже на общеупотребительномъ французскомъ языкѣ, не говоря уже объ англійскомъ.

Здѣсь кстати разкажу одно происшествіе.

Разъ, при посѣщеніи нашего училища одною высокою особой, посѣтитель обратился къ стоявшему впереди воспитаннику нашего класса съ вопросомъ:

— Parles-tu français?

— Non-съ, отвѣчалъ тотъ съ робостію.

— Вотъ тебѣ, К—ій, и носъ, произнесъ посѣтитель улыбаясь.

Въ послѣдствіи, при повтореніи подобныхъ посѣщеній, во избѣжаніе скандала, К—ій выставлялъ во всѣхъ классахъ въ первую шеренгу уже только тѣхъ, которые нѣсколько говорили по-французски. Въ числу этихъ счастливцевъ попадалъ обыкновенно и я, потому что еще въ пансіонѣ учился французскому языку, а потомъ практиковался въ немъ и дома.

Я сказалъ уже выше о чрезвычайной искательности и вкрадчивости К—аго. Съ помощію этихъ качествъ, онъ пріобрѣлъ себѣ много доброжелателей. Стóитъ разказать, какіе маневры онъ для этого употреблялъ. Нужно заискать расположеніе какого-нибудь сановнаго человѣка, — К—кій задаетъ ему бывало великолѣпный обѣдъ; а если съ нимъ совсѣмъ еще незнакомъ, то начинаетъ издалека, знакомится сперва съ какимъ-нибудь родственникомъ сановнаго человѣка, и задаетъ обѣдъ ему. На этихъ обѣдахъ, воспитанники училища занимали важныя роли: воспитанники-пѣвчіе поютъ, съ аккомпанементомъ большаго оркестра; тѣ изъ воспитанниковъ, которые сами хорошо играютъ на какомъ-нибудь инструментѣ (а такіе у насъ не переводились), играютъ, тоже съ аккомпанементомъ оркестра; наконецъ являлись декламаторы, и показывали свое искусство въ чтеніи стиховъ. Такъ, разъ братъ мой декламировалъ предъ И. И. Дмитріевымъ его басню «Чижикъ», и на другой день получилъ отъ знаменитаго старца въ подарокъ собраніе его басень, съ собственноручною надписью: «за прекрасную декламацію». Случалось, нѣкоторые декламировали стихи даже собственнаго издѣлія. Доходило до того, что призывали иногда воспитанниковъ танцовать характерные танцы, поставленные въ то время знаменитымъ въ Москвѣ

нашимъ учителемъ Іогелемъ. Конечно, шампанское, лившееся въ то время рѣкою, представляло все это въ цвѣтѣ еще болѣе розовомъ, и рукоплесканія не умолкали.

Разъ, когда ждали въ Москву одного петербургскаго сановника, К—ій встрѣтилъ его съ хлѣбомъ-солью, да гдѣ?.. на первой станціи отъ Москвы, въ Черной Грязи, за тридцать верстъ, а тогда желѣзныхъ дорогъ еще не было! Ну, чье сердце не тронется отъ такого вниманія?

Въ дни именинъ или рожденія начальствующихъ лицъ, напримѣръ начальника учебнаго округа, обыкновенно отправлялась къ нимъ, съ директоромъ во главѣ, депутація изъ нашего училища, состоявшая человѣкъ изъ десяти или двадцати воспитанниковъ, и при этомъ удобномъ случаѣ, нашимъ училищнымъ пѣвтою произносились стихи собственнаго сочиненія, которые иногда послѣ печатались въ какой-нибудь газетѣ. Такъ, въ *Молвѣ* были помѣщены стихи воспитанника Маркова, на день именинъ покойнаго князя Сергѣя Михайловича Голицына, за которые онъ получилъ отъ князя золотые часы. Наконецъ, даже на похороны извѣстныхъ купцовъ, въ особенности же если они были, хотя бы и задолго до того, членами училищнаго совѣта, отправлялась тоже депутація отъ воспитанниковъ; само собою разумѣется, частехонько воспитанники живымъ и въ глаза не видывали того, на чьи похороны они отправлялись. При погребеніи Михаила Ивановича Титова, бывшаго лѣтъ за десять, а можетъ и болѣе, до кончины, градскимъ головою, человѣка впрочемъ дѣйствительно почтеннаго, не только присутствовала наша депутація, но даже наши воспитанники-пѣвчіе пѣли на лѣвомъ клиросѣ. Отпѣваніе происходило въ Донскомъ монастырѣ, и замѣчательно, что архимандритъ Ѳеофанъ, говорившій проповѣдь надъ тѣломъ усопшаго, высказалъ похвалы, и даже не очень косвенно, нашему директору. Высчитывая заслуги покойнаго, онъ между прочимъ упомянулъ, что когда былъ назначенъ въ Коммерческое училище директоромъ Кронебергъ, извѣстный ученый (въ послѣдствіи ректоръ Харьковскаго университета), М. И. Титовъ, бывшій въ то время градскимъ головою, обратился будто бы къ императрицѣ, которой былъ лично извѣстенъ, и рекомендовалъ ей *достойнѣйшаго*: при этихъ словахъ, проповѣдникъ указалъ перстомъ на стоявшаго впереди К—го. Признаюсь, хотя я въ то время былъ очень молодъ, но мнѣ, да и всѣмъ прочимъ воспитанникамъ, это указаніе не понравилось.

Когда предстояло училищу посѣщеніе высокихъ особъ, К—ій узнавалъ объ этомъ всегда заблаговременно. Разумѣется, къ такимъ посѣщеніямъ училище являлось всегда готовымъ: воспитанники одѣты въ новые мундиры, стѣны выкрашены, полы натерты, какъ зеркало, словомъ все было вычищено до невозможности. И тутъ-то бывало бѣда, если кто замаретъ стѣну, или капнетъ чернилами на полъ: виновныхъ подвергали самому строгому наказанію. Разъ, въ ожиданіи подобнаго посѣщенія, мы даже въ теченіи цѣлыхъ трехъ дней не учились, и преспокойно прогуливались въ столовой; а на верху, въ классахъ, въ это время, все красили, мыли, чистили, натирали воскомъ; насъ же, вмѣсто всякихъ наукъ, по-классно учили только произносить хоромъ и звучно привѣтствіе ожидаемому посѣтителю. Случилось на этотъ разъ, что у одного воспитанника, несмотря на выданный приказъ объ особенной чистоплотности, была не совсѣмъ чиста шея. Никто конечно, во время посѣщенія, этого не замѣтилъ. Но не укрылось это отъ глазъ надзирателя, Андрея Ивановича Р., правой руки нашего директора. Въ наказаніе провинившемуся мальчику, Р. велѣлъ дядькѣ принести въ классъ воды и песку, и ради общаго назиданія, при всѣхъ воспитанникахъ, началъ чистить бѣднягѣ шею такъ, какъ обыкновенно чистятъ мѣдные замки у дверей. Эта операція продолжалась дотолѣ, пока не показалась кровь. Въ послѣдствіи слѣды этой чистки на шеѣ у мальчика сохранялись недѣли, если не мѣсяцы.

Однако я отвлекся воспоминаніемъ объ этой оригинальной чисткѣ и не досказалъ о самомъ посѣщеніи. Такимъ-то манеромъ сидѣли мы уже третій день въ столовой, очень довольные тѣмъ, что насъ не заставляютъ учиться, а позволяютъ бить баклуши, и пересыпать изъ пустаго въ порожнее. Вдругъ, часа въ два или въ три раздался звонъ колокольчика; мы всѣ, толкая другъ друга, кинулись наверхъ, въ классы. Мы едва узнали знакомыя свои классныя комнаты. Стѣны вновь перекрашены; ни одного пятнышка; полы такъ натерты, что поскользнуться можно; огромныя мѣдныя чернильницы такъ и сіяютъ; въ комнатахъ накурено уксусомъ съ мятою. Мы въ самыхъ новыхъ мундирахъ; всѣ осмотрѣны надзирателями, просто—прелесть. Понятно, что посѣтители должны были остаться довольны такимъ опрятнымъ содержаніемъ классныхъ комнатъ, и тѣмъ болѣе, что комнаты были небольшія, окна въ три, а въ нихъ постоянно помѣщалось до тридцати и болѣ

маленькихъ шалуновъ. Надобно еще сказать, что намъ строго-настрого было приказано всѣмъ имѣть веселыя физіономіи.

— Я слышалъ, К—ій, сказалъ главный посѣтитель,—у тебя воспитанники хорошо поютъ; собери ихъ въ залу.

Мы тотчасъ были собраны, и вотъ, въ числѣ ста пятидесяти человѣкъ, всѣ мы весьма стройно запѣли хоромъ молитву. Не говорю уже о директорѣ, но даже надзиратели, всѣ иностранцы, должны были предварительно выучить эту молитву, и если не пѣли, то по крайней мѣрѣ шевелили губами. Въ данный моментъ, всѣ бывшіе въ залѣ, точно по какому-то манію, слѣдуя примѣру директора, сдѣлали крестное знаменіе. Послѣ того отдѣлились воспитанники пѣвчіе, и тоже очень хорошо пропѣли разное нотное пѣніе. Резонансъ у насъ въ залѣ былъ превосходный, мы тоже пѣли очень хорошо. Это была страсть нашего директора; воспитанники, у которыхъ былъ хорошій голосъ, или тѣ, которые хорошо пѣли, были любимцами директора; онъ прощалъ имъ не только лѣность, на что еще смотрѣли у насъ снисходительно, но даже рѣзвость и шалости, что у насъ обыкновенно не прощалось; надобно замѣтить, притомъ, что у насъ постоянно бывали воспитанники изъ Малороссовъ, отличающихся, какъ извѣстно, хорошими голосами.

Вообще, все вниманіе нашего директора было обращено на внѣшнее, а никакъ не на внутреннее благоустройство. Успѣвавшіе въ искусствахъ, не только въ пѣніи, любимой охотѣ К—го, но и въ рисованіи, каллиграфіи, декламаціи и даже въ танцахъ, пользовались бо́льшимъ расположеніемъ директора нежели тѣ, которые успѣвали въ серіозныхъ наукахъ: знаніями воспитанниковъ блеснуть онъ не могъ, а эти таланты всегда могъ поставить на видъ. Стѣны нашихъ залъ были увѣшаны картинами и прописями воспитанниковъ. Случалось, что, благодаря этому, иные (собственно казенные) воспитанники даже пристращались къ искусствамъ. Нужно отдать имъ справедливость, нѣкоторые изъ нихъ, въ послѣдствіи, поступивъ въ Академію Художествъ, достигли даже до званія свободнаго художника; но вѣдь не къ этому назначенію должно было готовить наше училище. Знаю, что въ настоящее время, когда многіе отрицаютъ нужду въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, замѣчаніе мое покажется отсталымъ; но я стою при своемъ и думаю, что спеціальныя заведенія необходимы. Если же изъ нашего заведенія, вмѣсто хорошихъ купцовъ, выходили довольно плохіе рисовальщики, без-

дарные актеры и пѣвцы, причиною тому, повторяю, былъ особенный вкусъ нашего директора. На лучшаго, или какъ у насъ называлось, на перваго ученика бухгалтеріи и коммерческихъ свѣдѣній, онъ обращалъ гораздо менѣе вниманія нежели на перваго рисовальщика, декламатора и пѣвца. Естественно, что просто вслѣдствіе одного этого предпочтенія, а не по другимъ причинамъ, и тѣмъ менѣе по внутреннему побужденію, воспитанники переставали серіозно заниматься спеціальными предметами, и съ большою ревностью начинали заниматься искусствами.

Какъ администратору, или точнѣе, какъ блюстителю порядка въ училищѣ, К—му должно отдать полную справедливость. Ему и приличествовало бы собственно званіе смотрителя за порядкомъ, какого званія, впрочемъ, кажется, нѣтъ ни въ одномъ заведеніи. Въ другихъ заведеніяхъ существуютъ инспекторы классовъ, но у насъ ихъ, къ несчастію, не было; а потому, такъ какъ самъ директоръ, при извѣстныхъ своихъ наклонностяхъ, на ученіе не обращалъ никакого вниманія, не обращалъ на него вниманія и никто другой. Учился тотъ только, кто хотѣлъ; за лѣность почти никогда не наказывали или наказывали несравненно слабѣе, чѣмъ за самыя извинительныя шалости. За то и бывало у насъ, что въ послѣднемъ, высшемъ классѣ, гдѣ по программѣ слѣдовало бы проходить исторію французской литературы, попадались воспитанники, которые, безъ преувеличенія говоря, не знали, или лучше сказать, совершенно забыли французскую азбуку. По русской словесности задавали намъ писать философическія разсужденія о безсмертіи души и т. п., а многіе изъ насъ дѣлали грубыя ошибки даже въ правописаніи. Намъ преподавали статистику Австраліи, а нѣкоторые изъ насъ не знали, напримѣръ, что Мадридъ столица Испаніи, а Лиссабонъ — Португаліи, и даже не могли отвѣчать на географическіе вопросы еще болѣе легкіе; большею частью это были все ученики отличавшіеся въ пѣніи и рисованіи. Разскажу, для примѣра, случай бывшій съ однимъ изъ нашихъ пѣвцовъ-воспитанниковъ. (Этотъ воспитанникъ одинъ только и занимаетъ теперь довольно значительное мѣсто въ русской оперѣ, но впрочемъ обязанъ этимъ все-таки не Коммерческому училищу, а дальнѣйшему своему заграничному образованію.)

Разъ передъ экзаменомъ, учитель алгебры и геометріи, добрѣйшій малый, выставлялъ баллы въ мѣсячномъ рапортѣ.

— Ну, что же, Г., я тебѣ поставлю? сказалъ онъ, обращаясь къ нашему пѣвцу:—вѣдь ты на экзаменѣ ничего не можешь отвѣтить.

— Ахъ, Павелъ Ивановичъ, поставьте 2 (то-есть средственно); а на экзаменѣ спросите, что̀ есть алгебра.

— Ну, а что̀ есть алгебра?

— Да теперь-то я не знаю, а къ экзамену вотъ-какъ выдолблю! вы только ужь не забудьте.

Учитель исполнилъ и то и другое.

А надобно прибавить, что въ это время мы уже проходили тригонометрію.

Если въ наукахъ мы не уходили далеко, за то чистота и опрятность у насъ наблюдались съ самою строгою взыскательностію, и притомъ не только въ ожиданіи какого-нибудь посѣщенія, но и во всякое время. Бѣлье мы мѣняли по два раза въ недѣлю; по субботамъ, черезъ двѣ недѣли, мы ходили въ устроенную при училищѣ баню; за этимъ тоже строго наблюдалось; но бѣлье часто, или вѣрнѣе, почти всегда надѣвалось на насъ мокрое. При всей любви къ опрятности, мы предпочли бы лучше проносить наше бѣлье лишніе дни, нежели просушивать его на своемъ тѣлѣ; но за такое ослушаніе строго взыскивалось.

Спальни, можно сказать—роскошь училища, у насъ были раздѣлены по классамъ. Воспитанники низшихъ классовъ не смѣли входить ни въ классы, ни въ спальныя комнаты высшихъ. Надзиратели ночью не дежурили, но въ видѣ надзирателей, въ комнаты низшихъ классовъ, назначались директоромъ, на весь курсъ, благонравнѣйшіе изъ воспитанниковъ послѣдняго, четвертаго класса; имъ даваема была и надзирательская власть надъ воспитанниками, они могли наказывать своихъ подчиненныхъ. Если, послѣ вечерней молитвы, во время раздѣванія, кто сказалъ слово, старшему воспитаннику довольно закричать: «Ѳедоровъ (напримѣръ) завтра—къ столбу», и Ѳедоровъ завтра утромъ, когда всѣ пойдутъ къ чаю, долженъ былъ безпрекословно отправляться къ весьма-объемистому четыхреугольному столбу, поддерживавшему сводъ нашей огромной столовой, и оставаться безъ чаю. Противъ этого не могло быть никакихъ возраженій; развѣ только младшій воспитанникъ успѣетъ утромъ вымолить прощеніе; но оно доставалось трудно: понятно, что сердце юнаго надзирателя жесточало,

потому что онъ самъ находился тоже подъ жестокимъ надзоромъ.

Старшіе воспитанники должны были отвѣчать за безпорядки подчиненныхъ, и за это съ нихъ строго взыскивалось. Напримѣръ, когда директоръ, возвратясь домой поздно вечеромъ, отъ нечего дѣлать, вздумаетъ пройдтись по спальнямъ, и найдетъ, что у кого-нибудь изъ воспитанниковъ платье лежитъ не въ совершенномъ порядкѣ, то и воспитаннику самому наказаніе, да и надзирателю изъ старшихъ воспитанниковъ достаточный нагоняй. Порядокъ этотъ заключался въ томъ, чтобы на табуретѣ лежалъ внизу фракъ, на немъ жилетъ, далѣе галстухъ, потомъ помочи, и такъ далѣе; хотя бы платье и въ порядкѣ было уложено, да не въ такой послѣдовательности, у насъ это считалось все-таки за безпорядокъ.

Въ четвертый классъ, въ видѣ надзирателя избирался изъ того же класса, обыкновенно, первый ученикъ по поведенію. Само собою понятно, что чѣмъ выше классъ, тѣмъ снисходительнѣе были эти импровизированные надзиратели. Въ послѣднемъ курсѣ я самъ былъ такимъ надзирателемъ. Избраніе обыкновенно происходило послѣ вакаціи, при переходѣ съ одного двухгодичнаго курса на другой. Съ особенною торжественностію являлся главный надзиратель, и обращался къ старшимъ воспитанникамъ: — Такой-то назначенъ надзирателемъ въ первое отдѣленіе перваго класса (по многочисленности поступающихъ воспитанниковъ въ училище, у насъ было двaотдѣленія перваго класса); а вы, г. С., сказалъ надзиратель Б-ръ, обращаясь ко мнѣ, назначаетесь надзирателемъ во второе отдѣленіе перваго класса! Хотя ваше поведеніе не совсѣмъ безукоризненно, но его превосходительство удостоиваетъ васъ этой чести, въ уваженіе вашего прилежанія въ наукахъ, и въ предположеніи, что подобное возвышеніе поощритъ васъ на дѣлѣ оправдать оказываемое вамъ довѣріе. Б—ръ хотя былъ иностранецъ, но любилъ витіеватую рѣчь. Дернуло меня сказать на это: оложите господину директору, Адольфъ Ѳедоровичъ, что я благодарю весьма за сдѣланную мнѣ честь, но я бы лучше желалъ спать съ моими товарищами.

Говоря это, я имѣлъ въ виду, что надзирателю за младшимъ классомъ приходилось вставать всегда аккуратно въ шесть часовъ, будить маленькихъ мальчиковъ, отвѣчать за ихъ провинности, и слушать за это выговоры отъ настоящихъ

надзирателей, а иногда и отъ директора; между тѣмъ какъ въ спальнѣ 4-го класса можно было свободно понѣжиться до 6¼, а въ дежурства болѣе снисходительныхъ надзирателей, и до 6½ часовъ, ибо они приходили только къ молитвѣ и начинали съ 1-го класса, а этого времени, то есть чтенія молитвъ въ первыхъ трехъ спальняхъ, было достаточно, чтобы намъ умыться и одѣться.

До сихъ поръ я не забылъ, какая буря поднялась на меня со стороны Б—ра, который былъ тогда главнымъ надзирателемъ. Онъ меня называлъ и неблагодарнымъ, и революціонеромъ, и вольтерьянцемъ, и Богъ знаетъ чего онъ мнѣ не наговорилъ...

Я спѣшилъ отвѣчать, что сказалъ только такъ, а впрочемъ я весьма благодаренъ его превосходительству за такое высокое назначеніе. Онъ унялся, даже не донесъ объ этомъ директору. Въ послѣдствіи я узналъ, что, по его настоянію, я и назначенъ былъ надзирателемъ. Вообще Б—ръ совершенно безкорыстно всегда питалъ ко мнѣ какую-то симпатію. Бывало и прежде, если директора дома нѣтъ, онъ уходитъ къ себѣ на квартиру (что дѣлали въ такихъ случаяхъ и всѣ надзиратели), а меня назначаетъ занять его мѣсто въ которомъ-либо изъ низшихъ классовъ. Къ Б—ру я уже не возвращусь болѣе; потому спѣшу прибавить, что это былъ красивый мущина лѣтъ сорока, очень учтивый въ обхожденіи, но горячъ такъ, что подобныхъ людей до сихъ поръ я не встрѣчалъ. Къ счастію, гнѣвъ его скоро проходилъ. Когда разгорячится, онъ, бывало, въ полномъ смыслѣ слова, кричитъ какъ сумашедшій, органъ же у него былъ весьма звучный.

Возвращаюсь къ спальнямъ.

Кровати у насъ были желѣзныя, покрытыя бѣлыми холщеными чахлами, на кроватяхъ тюфяки; для одѣванія фризовыя одѣяла, подбитыя бѣлыми простынями; а сверху, во время дня, для красы клались тканьевыя покрывала. Все это: постельное бѣлье, чахлы, покрывала и даже подкладки подъ одѣялами, мѣнялось весьма часто, и содержалось въ величайшей чистотѣ. О какихъ-нибудь насѣкомыхъ мы и понятія не имѣли, хотя тогда еще не было извѣстно свойство персидскаго порошка. За то наши спальни были гордостью директора, и если случалось, что наше заведеніе посѣщала какая-нибудь довольно значительная особа, то директоръ, проведя посѣтителя по классамъ довольно быстро, спѣшилъ скорѣе въ спаль-

ни, которыя занимали очень пространное мѣсто, и содержались всегда въ величайшемъ порядкѣ.

Спальни наши показывалъ директоръ и своимъ знакомымъ дамамъ. Но вотъ былъ случай, который могъ быть допущенъ человѣкомъ или только полусумашедшимъ, или сильно подпившимъ, или же, наконецъ, чрезвычайно влюбленнымъ. Вѣроятно, было или второе или послѣднее.

Я уже сказалъ, что воспитанники наши хорошо пѣли; это было извѣстно всей Москвѣ, а потому въ нашу маленькую церковь собиралось всегда много публики. Въ числѣ постоянныхъ посѣтителей былъ вдовый купецъ Т. и его двѣ дочери; старшая, молодая вдова, лѣтъ двадцати двухъ, считалась въ то время одною изъ первыхъ московскихъ красавицъ, другая была молоденькая дѣвушка лѣтъ четырнадцати, тоже очень не дурненькая. Директоръ нашъ, вообще любитель прекраснаго пола, сильно ухаживалъ за вдовушкой, и слышно было не прочь былъ даже предложить ей руку и сердце.

Разъ въ субботу, послѣ всенощной, купецъ Т. вмѣстѣ съ дочерьми прошелъ изъ церкви черезъ классы къ директору пить чай; мы, по обыкновенію, отправились спать. Такъ какъ отъ насъ требовалось, чтобы мы какъ можно скорѣе раздѣвались, ложились и даже засыпали, то не прошло получаса, какъ уже почти всѣ полегли, и я въ числѣ прочихъ; только вдругъ, слышу я, дверь спальни, гдѣ я былъ надзирателемъ, отворяется, и входятъ двѣ дамы и двое мущинъ: это были наша прекрасная вдовушка съ сестрой, и директоръ съ ихъ отцомъ. Они восхищаются порядкомъ, чистотой, проходятъ нѣсколько комнатъ; но, о ужасъ!—въ спальнѣ 3-го класса, злосчастный воспитанникъ С., въ то время какъ младшая дочь отворила дверь, стоялъ въ натурѣ; помня день субботній, онъ перемѣнялъ бѣлье, и какъ въ этихъ классахъ воспитанники-надзиратели были менѣе взыскательны чѣмъ въ низшихъ (о чемъ я уже говорилъ), то онъ и позамѣшкался. При видѣ этого неожиданнаго зрѣлища, дамы, съ крикомъ ужаса, бросились бѣгомъ назадъ, а директоръ, пронзивъ глазами и окаменивъ воспитанника на мѣстѣ, съ скрежетомъ зубовъ, скорыми шагами обратился тоже назадъ, догонять испуганныхъ дамъ. На другой день, воспитаннику С. дана была приличная нотація, воспитанника-надзирателя смѣнили. Но черезъ нѣсколько дней, директоръ, привязавшись къ какой-то незначительной провинности воспитанника С., сильно высѣкъ его, да еще изъ соб-

ственныхъ превосходительныхъ рукъ; при этомъ не удержался онъ нѣсколько разъ повторить и о субботнемъ пассажѣ, и какъ разсказывалъ С., тутъ удары его превосходительства были еще сильнѣе и чаще нежели при напоминаніи о винѣ, за которую будто главнымъ образомъ его наказывали.

Хотя всѣмъ намъ, особенно въ старшихъ классахъ, извѣстна была слабость директора къ прекрасной вдовушкѣ, тѣмъ не менѣе многіе воспитанники старались ухаживать за нею. Разумѣется, это ухаживанье могло ограничиваться только разговоромъ посредствомъ глазъ. Но вдовушка была кокетка: она и сама иногда отвѣчала нѣжными взглядами, и тѣмъ поощряла своихъ поклонниковъ. Какъ однако опасно было для воспитанниковъ это любезничанье, можетъ показать слѣдующій случай.

Воспитанникъ третьяго класса К. былъ однимъ изъ первыхъ по ученію; по понятію нашего начальства, онъ былъ и лучшимъ по поведенію; онъ обладалъ всѣми молчалинскими качествами, и притомъ былъ первѣйшимъ доносчикомъ. Расположеніе къ нему К—го было совершенное; К—ій даже называлъ его не по фамиліи, а просто Ваничкой. Къ несчастію, закралась въ сердце этого юноши искра любви къ прекрасной вдовушкѣ; та изъ кокетства отвѣчала ему, хотя только глазами; дѣло не доходило даже до еловъ, но это погубило бѣднягу. Самъ ли К—ій замѣтилъ, или донесъ ему кто объ этомъ, только расположеніе его къ Ваничкѣ тотчасъ перешло въ самое несправедливое и тираническое гоненіе. Примѣру директора, по обыкновенію, послѣдовали и подчиненные; нашъ Ваничка изъ первыхъ учениковъ сталъ спускаться все ниже и ниже; подъ вліяніемъ этого, сталъ онъ потомъ, мало-помалу, дѣйствительно лѣниться, и наконецъ, во избѣжаніе гоненія, притворился больнымъ и отправился въ лазаретъ. Директоръ очень хорошо видѣлъ, что болѣзнь эта была притворная, но сумѣлъ ею по своему воспользоваться. По приказанію его, докторъ подалъ рапортъ, что у К. чахотка. Директоръ представилъ предложеніе въ совѣтъ, что такой-то казенный воспитанникъ К. впалъ въ чахотку, и, слѣдовательно, къ ученію не способенъ, а потому долженъ быть исключенъ изъ училища. Совѣтъ, состоявшій изъ оберъ-директора, человѣка прекраснаго и весьма образованнаго, но совершенно вѣрившаго К—ому, изъ градскаго главы и нѣсколькихъ членовъ-купцовъ, конечно согласился на предложеніе директора, и исключеніе К. изъ училища состоялось. К., съ своей сто-

роны, былъ тоже доволенъ. Но тѣмъ не менѣе, ожесточился вообще противъ властей; сталъ пить, на одномъ гуляньѣ подъ Новинскимъ, пьяный, какъ-то повздорилъ съ квартальнымъ-надзирателемъ, далъ ему плюху, и, какъ мѣщанинъ, угодилъ въ солдаты.

Мы сейчасъ сказали, что когда директоръ начиналъ гнать кого-нибудь, его примѣру обыкновенно слѣдовали и низшія власти, то-есть надзиратели и учителя. Дѣйствительно, это своего рода подчиненіе, или лучше, раболѣпство доходило у насъ даже до подлости. Довольно, напримѣръ, было директору только подойдти къ ученику, погладить его по головѣ, или потрепать по щекѣ и сказать: «что же это ты, Ивановъ, лѣнишься? вотъ Карлъ Ивановичъ тебѣ въ прошломъ рапортѣ поставилъ плохой баллъ; старайся, старайся!»—будьте увѣрены, въ слѣдующемъ мѣсячномъ рапортѣ учитель выставлялъ ему уже хорошій баллъ, хотя бы успѣхи были даже хуже прежнихъ. Равнымъ образомъ и наоборотъ: кого не любилъ директоръ, тому и баллы не могли выставляться хорошіе.

Чтобы довершить описаніе личности нашего директора, я долженъ прибавить, что онъ имѣлъ особенную слабость держать во всякомъ классѣ фискаловъ, то-есть доносчиковъ. Воспитанники, разумѣется, вообще ихъ терпѣть не могли, но тѣмъ не менѣе боялись ихъ, а нѣкоторые даже и подличали передъ ними. Тѣ же, которые показывали имъ свое отвращеніе, естественно подвергались доносамъ болѣе частымъ нежели прочіе. Скажу болѣе, директорскихъ шпіоновъ у насъ боялись даже наши надзиратели (гувернеры), особенно которые были слабѣе, или лучше сказать, добрѣе характеромъ; они иногда доносили о нашихъ шалостяхъ директору, единственно изъ опасенія какъ бы онъ не узналъ о нихъ стороною, черезъ своихъ фискаловъ.

Форменностью наше училище, я полагаю, превосходило всякое военно-учебное. Положимъ, что для купца дѣйствительно нужна аккуратность, но ставить ее выше всего, за уклоненіе отъ нея взыскивать строже чѣмъ за дурную нравственность или плохое ученіе, это изъ рукъ вонъ. А у насъ строжайшее вниманіе обращалось на всякую мелочь. Такъ напримѣръ, въ спальнѣ у насъ стояли подлѣ всякой кровати маленькіе ящики съ крышками, которые назывались табуретами; въ нихъ лежали новые мундиры, шинель, картузъ и прочее. Отъ насъ требовалось, чтобы все это было уложено не только аккуратно, но

именно въ предписанной послѣдовательности, какая вещь должна лежать внизу, и какая далѣе, до самаго верха; живо помню, что всю поклажу увѣнчивалъ у насъ картузъ. Воспитанники-надзиратели обязаны были строго наблюдать за этимъ порядкомъ; а директоръ часто, проходя по спальнѣ, производилъ повѣрку, то-есть открывалъ навыборъ два-три табурета, и Боже сохрани, если находилъ отступленіе отъ предписаннаго порядка!

Но самымъ высшимъ преувеличеніемъ царствовавшаго у насъ формализма, по всей справедливости, долженъ быть признанъ порядокъ, который наблюдался въ нашихъ молитвахъ; можно сказать, что мы и молились, и притомъ даже въ церкви, не иначе какъ по командѣ. Правда, отправленіе наше въ церковь было единственнымъ случаемъ, когда не обращалось вниманія на различіе классовъ, къ которымъ принадлежали воспитанники. Впрочемъ это было вовсе не потому, что передъ Богомъ всѣ равны, и отсюда вовсе не слѣдовало, чтобы могли идти въ церковь какъ попало, и кто съ кѣмъ хотѣлъ. Напротивъ, отступленіе отъ обычнаго размѣщенія воспитанниковъ по классамъ допускаемо было въ видахъ еще большей аккуратности и порядка: насъ подгоняли одного къ другому по росту, и притомъ такъ, чтобы меньшіе ростомъ были впереди, а болѣе крупные позади. Оттого-то и случалось иногда третьекласснику идти въ парѣ съ воспитанникомъ перваго класса. Надобно замѣтить однако, что это смѣшеніе крайне оскорбляло старшихъ воспитанниковъ, которымъ приходилось идти наравнѣ съ младшими. Подгонка одного воспитанника къ другому предъ службой продолжалась обыкновенно у насъ ретивыми надзирателями довольно долго, иногда до четверти часа; они смотрѣли внимательно, не возвышается ли у кого-нибудь голова хоть на осьмушку вершка противъ стоящаго впереди сосѣда. Въ такомъ случаѣ надзиратель тотчасъ подбѣгалъ къ этой парѣ, ставилъ задняго впередъ, а передняго назадъ. Отдалясь нѣсколько, съ глубокомысліемъ наблюдалъ онъ снова, не сдѣлано ли ошибки, и дѣйствительно, часто случалось снова подбѣгать и дѣлать новыя перестановки; иногда одну и ту же пару переставливали такъ и иначе, и опять по прежнему, разъ до четырехъ и болѣе. При этомъ воспитанники употребляли не рѣдко извѣстные фокусы: становились на носки, и тѣмъ приводили въ недоумѣніе надзирателя. Наконецъ, когда установка дости-

гались сколько возможно совершеннѣе, всѣ мы подъ предводительствомъ надзирателя отправлялись попарно изъ залы въ церковь, и потомъ становились, какъ уже сказано, меньшіе ростомъ впереди, великорослые назади, не разбирая классовъ. Затѣмъ, у насъ въ самой молитвѣ соблюдался опредѣленный, весьма заведенный порядокъ. При поступленіи въ училище, каждому воспитаннику давали тетрадь; тамъ объяснялось ему, когда именно онъ долженъ былъ въ церкви дѣлать поясной поклонъ, когда земной и такъ далѣе. Напримѣръ, во время пѣнія, когда пѣвчіе поютъ «Господи помилуй», всѣ обязаны были разомъ отвѣсить по поясному поклону; но строго взыскалось бы, еслибы кто, не уразумѣвъ назначеннаго поклона, вздумалъ поклониться, сверхъ того, и тогда, когда клиръ поетъ «Тебѣ Господи»; за эту непростительную разсѣянность наказали бы послѣ службы головою, или даже подвергли бы наказанію болѣе чувствительному. Словомъ, и поясные и земные поклоны головы, и поднятіе головы, все это до послѣдней мелочи единожды навсегда намъ предписано было въ правилахъ съ точною подробностію. Естественно послѣ того, что мы молились, такъ-сказать, механически; кто не твердо зналъ эту механику молитвы или забывалъ, тотъ старался слѣдить за дѣйствіями директора, и не могъ никогда попасть впросакъ. Могла ли быть, при такой обстановкѣ, искренняя молитва,— предоставляю судить читателю. Вѣдь у насъ взыскивалось не только съ тѣхъ, кто не положилъ назначеннаго поклона, но и съ тѣхъ, кто перекрестился или поклонился лишній разъ.

Опишу теперь обычный порядокъ нашего ежедневнаго времяпровожденія.

Ровно въ шесть часовъ раздавался обыкновенно звонъ небольшаго колокола, висѣвшаго на дворѣ, на нарочно-устроенной высокой башенкѣ; звукъ этого колокола былъ слышенъ во всемъ домѣ, и онъ давалъ намъ сигналъ обо всемъ: о вставаньи, началѣ и концѣ каждаго класса, объ обѣдѣ, ужинѣ, чаѣ и проч. Онъ же замѣнялъ должность и церковнаго колокола передъ службой, но тогда звонили въ него совсѣмъ иначе. Итакъ, ровно въ шесть часовъ, по звукамъ этого колокола, всѣ вставали; старшіе воспитанники-надзиратели будили своихъ подчиненныхъ; затѣмъ всѣ отправлялись въ общую умывальную. Здѣсь стояли, по числу классовъ, четыре огромныхъ мѣдныхъ умывальника, то-есть по особому умывальнику для каждаго класса. Около каждаго умывальника могли помѣститься

только по три воспитанника, а потому въ комнатѣ было довольно шумно и оживленно. Какъ я замѣтилъ выше, воспитанники высшихъ классовъ позволяли себѣ иногда нѣсколько долѣе нѣжиться, поэтому умывальники 3-го и 4-го класса часто стояли порожними, пока воспитанники низшихъ классовъ тѣснились около своихъ умывальниковъ. Къ умывальникамъ старшихъ классовъ подходить они не дерзали. Если и были иногда смѣльчаки позволявшіе себѣ такіе своевольные поступки, то это имъ не всегда проходило даромъ: бѣда, бывало, если войдетъ въ это время какой-нибудь четырехклассникъ, особенно строптиваго характера! Онъ такъ крикнетъ на дерзкаго, что мальчикъ стремглавъ бѣжитъ, не окончивъ своей операціи. Вообще, у насъ сами воспитанники обращали самое строгое вниманіе на чинъ классовъ. Воспитанникъ 2-го класса гордо держалъ себя передъ воспитанникомъ 1-го, и такъ далѣе. Еслибы кто сталъ якшаться съ низшими, тотъ рисковалъ бы возбудить къ себѣ презрѣніе отъ всѣхъ своихъ сослассниковъ.

Послѣ умыванья, то-есть около половины седьмаго, приходилъ надзиратель, и мы поклассно собирались на молитву, гдѣ одинъ воспитанникъ вслухъ, очень скоро, а иногда съ большими пропусками читалъ молитвы. Нѣкоторые смѣльчаки доходили до того, что укорачивали такъ: Отче нашъ... но набавь насъ отъ лукаваго. Надзиратели изъ иностранцевъ ничего не понимали, а потому эти уклоненія отъ порядка большею частію проходили даромъ. Но во всякомъ случаѣ, ничего подобнаго не позволяли себѣ воспитанники, когда дежурилъ надзиратель Р—ь, о которомъ я скажу въ своемъ мѣстѣ подробнѣе; хотя и онъ тоже не понималъ ничего, тѣмъ не менѣе воспитанники читали при немъ молитвы не только вполнѣ, но особенно внятно, и даже съ нѣкоторымъ притворнымъ умиленіемъ.

Послѣ молитвы ученики поварно отправлялись въ столовую, пить чай. Впереди каждаго класса шелъ ученикъ, занимавшій должность спальнаго надзирателя, за нимъ шли воспитанники перваго класса, меньшіе ростомъ впереди; потомъ опять спальный надзиратель, и воспитанники втораго класса и т. д. Тотъ же порядокъ былъ соблюдаемъ, когда мы ходили обѣдать, ужинать и вечеромъ спать. Завтракъ нашъ состоялъ изъ порядочной кружки довольно сквернаго чаю и половины довольно большаго ситника. Очень не рѣдко, осенью и весной, чай отзывался мазовомъ, а въ ситникахъ иногда попадались

запеченные мухи и тараканы. Но до жалобъ доходило рѣдко; развѣ уже всѣ до одного воспитанника найдутъ чай не хорошимъ, что бывало обыкновенно только тогда, когда чай воняетъ просто до невозможности пить. Въ противномъ же случаѣ недовольные боялись роптать: надзиратели обыкновенно брали сторону помощника эконома, оттого что онъ и имъ также поставлялъ казенную пищу. «Вотъ вы, человѣкъ десять, находите чай нехорошимъ, а между тѣмъ видите—цѣлые сто человѣкъ пьютъ его съ наслажденіемъ.» Если случалось, что они доносили о нашемъ будто бы бунтѣ директору, тотъ сильно за это взыскивалъ, особенно же если въ числѣ недовольныхъ бывалъ казенный воспитанникъ. «Ахъ ты негодяй! говорилъ онъ тогда: да ты благодари Бога, что попалъ сюда; а онъ еще разсуждаетъ, что чай не хорошъ! Вѣдь понимаешь ли ты, тебя даромъ кормятъ да еще даютъ образованіе, ты долженъ быть всѣмъ доволенъ. Ты вотъ посмотри, NN, SS—тебѣ ли чета? изъ какихъ богатыхъ семействъ! да и то не брезгаютъ, а ты, нищій, смѣешь... Смѣй это въ другой разъ, я тебя сейчасъ выключу... Ты долженъ знать, что на твое мѣсто сейчасъ сто охотниковъ.» Въ нѣкоторое подтвержденіе словъ К—го, не могу здѣсь не сказать кстати, что одинъ своекоштный воспитанникъ А., сынъ извѣстнаго богача, у котораго, какъ говорили, было до тридцати милліоновъ (на ассигнаціи), дѣйствительно, не только не брезгалъ хлѣбомъ съ запеченными мухами, но даже по доброй волѣ соглашался за полситника глотать десять мухъ, и притомъ живыхъ; иногда же и даромъ дѣлалъ это, просто чтобы показать свою небрезгливость, или же вызвать улыбку старшаго воспитанника, котораго вниманіемъ дорожилъ. Но это былъ уже особенный вкусъ. Итакъ, во избѣжаніе директорскихъ выговоровъ, мы не охотно жаловались на неблагопріятный запахъ чая, а ограничивались бывало только тѣмъ, что передавали тайкомъ кружки тѣмъ изъ воспитанниковъ, которыхъ обоняніе было не такъ чувствительно. Помню впрочемъ, что нѣсколько разъ, и притомъ именно всегда въ дежурство надзирателя Р—я, когда ситники оказывались съ пескомъ или отзывались вкусомъ извести, насъ и удовлетворяли, и притомъ довольно пріятнымъ образомъ. Р—ъ тотчасъ же призывалъ къ себѣ помощника эконома, и распоряжался, чтобъ онъ возвратилъ ситники поставщику, а на его счетъ подалъ намъ калачей; это обыкновенно исполнялось

менѣе чѣмъ чрезъ полчаса, и вмѣсто скверныхъ ситниковъ мы получали отличные десати-копѣечные (на ассигнаціи) калачи.

Послѣ чаю мы тотчасъ отправлялись въ классы; до восьми часовъ здѣсь иной приготовлялъ уроки, другой билъ баклуши. Въ восемь часовъ звонъ колокола; всѣ садятся по мѣстамъ, но не по степени знанія, что̀ много бы способствовало прилежанію, а по росту, меньшіе впереди, старшіе позади. Если директоръ, войдя въ классъ, замѣтитъ, что одинъ воспитанникъ переросъ другаго, тотчасъ дѣлается пересадка. Надобно замѣтить, что на это у нашего директора былъ удивительный глазъ: сразу онъ увидитъ перемѣну въ ростѣ. Онъ вызоветъ потомъ бывало обоихъ воспитанниковъ, и для бо́льшаго удостовѣренія, поставитъ ихъ одного подлѣ другаго. Но увы, тутъ уже нельзя было, для прибавленія себѣ роста, встать на каблуки; К—ій зналъ эту продѣлку, и потому всегда ощупывалъ носкомъ своего сапога, не приподнимается ли кто нарочно.

Классы должны были начинаться собственно въ восемь часовъ, но это никѣмъ изъ учителей не соблюдалось; самые аккуратные являлись не ранѣе какъ въ восемь съ половиною часовъ; другіе же постоянно приходили въ девять, а нѣкоторые даже въ девять съ четвертью, или какъ у насъ говорилось, за три четверти до окончанія класса (каждый классъ продолжался по два часа); естественно, этихъ послѣднихъ учителей мы особенно любили. Нѣкоторые учители приходили даже и за четверть часа до конца класса, а многіе совсѣмъ не приходили, иногда даже по цѣлому мѣсяцу, но о нихъ скажемъ послѣ. Въ десять часовъ билъ опять звонокъ, и давалось четверть часа отдыху; тутъ классы начинались уже аккуратнѣе; большая часть учителей были уже на-лицо, и имъ стоило только перейдти изъ одного класса въ другой. Въ двѣнадцать часовъ снова билъ благодѣтельный звонокъ; на этотъ разъ онъ призывалъ въ столовую; мы строились въ пары и отправлялись обѣдать. Передъ обѣдомъ (равно какъ передъ чаемъ и предъ ужиномъ) воспитанники пѣли хоромъ «Отче нашъ»; если случался двенадесятый праздникъ, то какъ въ этотъ день, такъ и послѣ, во все время до отданія праздника, вмѣсто «Отче нашъ» пѣлся тропарь въ честь праздника. Послѣ молитвы, на обоихъ концахъ четырехъ длинныхъ-предлинныхъ столовъ, являлись тотчасъ дядьки съ огромными мисками, и начиналась работа; только и слышенъ былъ стукъ посуды; посуда, мимоходомъ скажемъ, была у насъ оловянная и, какъ

все въ заведеніи, содержалась въ безукоризненной чистотѣ. Разговаривать во время стола строжайше запрещалось. Ближайшіе къ дядькѣ воспитанники подавали ему тарелки, онъ наливалъ супъ или клалъ другое кушанье, а тѣ передавали своему сосѣду, и такъ далѣе до самыхъ тѣхъ, которые сидѣли на серединѣ; все это дѣлалось весьма ловко, проворно и, что въ особенности было важно, довольно красиво для глазъ постороннаго зрителя.

Обѣдъ состоялъ обыкновенно изъ трехъ блюдъ, всего чаще вкусныхъ щей или какой-либо похлебки, сколько припомню, кашевая, съ говядиной, потомъ говядины съ толченымъ хрѣномъ, и пшенецъ, ежедневно, изъ достаточно-мирно-наполненной каши, рѣдко изъ розсыпи, которую мы впрочемъ и не очень жаловали. Итакъ, въ теченіи восьми лѣтъ каждый день мы ѣли гречневую кашу, и, удивительно, она намъ нисколько не прискучивала; покажите мнѣ кушанье изъ французской или другой иностранной кухни, которое выдержало бы такой опытъ? По воскресеньямъ, къ обыкновенному столу прибавлялись пироги съ говядиной, съ капустой или сладкіе съ черникой. Вообще скажу, что скоромный обѣдъ былъ у насъ очень здоровъ и вкусенъ; но не могу того же сказать о постномъ; рыба часто или почти всегда подгуливала, и я всегда тайкомъ перекладывалъ ее на тарелку сосѣдей; а надобно замѣтить, что мы постъ держали аккуратно, постясь всѣ среды и пятницы. Прекраснаго чернаго хлѣба давалось намъ вволю; запрещалось только брать его съ собою въ классъ, что впрочемъ тайкомъ частенько удавалось дѣлать. Для питья былъ квасъ, иногда очень вкусный, иногда черезчуръ плохой. Вообще, надобно отдать справедливость, насъ кормили весьма сносно, и этимъ мы обязаны были нашему эконому, въ должности котораго состоялъ богатый купецъ Дм. Хр. Сп—овъ. Несмотря на свои коммерческія занятія, этотъ почтенный человѣкъ исправлялъ принятую на себя должность рачительно; ежедневно онъ пріѣзжалъ въ училище и каждый разъ непремѣнно бывалъ въ кухнѣ. Впрочемъ, надобно и то сказать, эта довольно легкая обязанность избавляла нашего эконома отъ службы по выборамъ, да сверхъ того, онъ, кажется, былъ награжденъ за нее даже знакомъ отличія. Несмотря на его ежедневныя посѣщенія, злоупотребленія бывали, и главною причиной ихъ было то обстоятельство, что помощниками у него бывали всегда дальніе родственники. Вступая въ должность людьми весьма бѣд-

ныни, они оставляли потомъ ее уже съ порядочнымъ капиталцемъ. Но и то сказать, гдѣ же этого не бываетъ?

По окончаніи обѣда, по звонку надзирателя всѣ вставали изъ-за столовъ; одинъ изъ учениковъ, обладавшій звучнымъ голосомъ, читалъ молитву: «Благодарю Тя, Христе Боже», потомъ всѣхъ хоромъ пѣли трекратно: «многая лѣта», разумѣется, крестясь въ предписанный отъ директора моментъ, и прежнимъ порядкомъ возвращались въ классы. Здѣсь до трехъ часовъ давался отдыхъ; затѣмъ, снова начинался классъ и продолжался до пяти часовъ, въ томъ же точно порядкѣ какъ и утромъ. Въ пять часовъ, по окончаніи классовъ, мы отправлялись въ столовую прежнимъ порядкомъ, и получали по полуситнику на брата[1]. Это было времени не болѣе четверти часа. Затѣмъ, снова классы до семи часовъ; въ семь часовъ ужинъ, состоявшій изъ двухъ блюдъ: щей или какой нибудь похлебки, и неизбѣжной, но всегда пріятной для насъ каши; послѣ ужина опять путешествіе въ классы, и опять отдыхъ, такой же, какъ и прежній; и наконецъ въ девять часовъ отправлялись спать. Тутъ читались тѣ же самыя вечернія молитвы; но на этотъ разъ позволялось намъ и небольшая вольность: послѣ общей молитвы, воспитанникъ имѣлъ право, стоя на колѣнкахъ, да и то впрочемъ не иначе какъ на постели, сдѣлать нѣсколько крестныхъ знаменій. Впрочемъ, еслибы какому-нибудь Иванову вздумалось нѣсколько увлечься при этомъ, старшій воспитанникъ-надзиратель не замедлитъ закричать: «Иванову ложись спать!» и тотъ долженъ былъ безпрекословно исполнить приказаніе, иначе могъ подвергнуться наказанію.

---

[1] Въ послѣдствіи, вечеромъ къ полуситнику прибавлялось намъ по кружкѣ чая, сколько помнится—по настоянію Андрея Петровича Шестова, который выбранъ былъ тогда въ градскіе головы. О заслугахъ этого человѣка я надѣюсь поговорить въ особой статьѣ. Это былъ человѣкъ дѣйствительно весьма замѣчательный; избранный отъ купечества представителемъ общества, онъ забылъ о своихъ частныхъ дѣлахъ, тогда какъ велъ огромную торговлю чаемъ, производя до 6 милліоновъ въ годъ оборота. Послѣ выбора въ градскіе головы, онъ передалъ свои дѣла въ руки брату, и они до того запутались, что послѣдовало банкротство; дѣти оставшіеся по смерти Андрея Петровича находились не въ очень-цвѣтущемъ положеніи. Должно жалѣть, что до сихъ поръ у насъ не воздано надлежащей благодарности этому почтенному гражданину. При этомъ припоминаю изреченіе одного извѣстнаго въ Москвѣ остряка: когда выбрали Шестова въ градскіе головы, онъ сказалъ въ одномъ обществѣ: «вотъ въ Москвѣ было пять пустыхъ градскихъ головъ, выбрали Шестова, что-то будетъ?»

Познакомивъ нѣсколько читателя съ личностію нашего директора; съ которымъ будемъ еще часто встрѣчаться, и описавъ подробно порядокъ нашего дневнаго существованія или, лучше сказать, прозябанія, обращаюсь къ надзирателямъ.

Надзирателей у насъ было постоянно четверо. Одинъ изъ нихъ дежурный (во всѣхъ классахъ) съ шести часовъ утра до часу по-полудни; въ часъ перемѣнялъ его другой, и дежурилъ до девяти часовъ вечера. На второй день чередовалась другая пара надзирателей. Скучно было бы описывать подробно всѣхъ надзирателей, какіе перебывали у насъ во время существованія моего въ училищѣ; ограничусь личностями наиболѣе типичными. Я увѣренъ что какъ вездѣ, такъ и въ Коммерческомъ училищѣ все идетъ къ лучшему; жизнь его въ настоящее время, вѣроятно, нисколько не походитъ на ту, какую я въ немъ засталъ. Полагаю, нынѣшнее поколѣніе училища съ трудомъ можетъ и представить то, что мы выстрадывали во время оно. Но по тому-то самому я и считаю нужнымъ начать описаніе надзирателей съ личности, подобная которой едва ли уже встрѣчается. Самъ К—ій, котораго, кажется, нельзя было упрекнуть въ слишкомъ нѣжной внимательности или деликатности въ отношеніи къ воспитанникамъ, скоро сжилъ надзирателя, о которомъ я веду рѣчь.

Въ самомъ дѣлѣ, надзиратель Гр—съ былъ не человѣкъ, а звѣрь. Давать пали ученикамъ было его наслажденіе, особенно когда онъ былъ подвыпивши, а это съ нимъ было почти постоянно. Вѣроятно, не всѣ читатели знаютъ, что такое пали, но конечно всякій ученикъ Коммерческаго училища старыхъ временъ слишкомъ хорошо о нихъ помнитъ. Паля, это—ударъ линейкой по ладони руки. Но боль отъ этого удара можетъ быть различная, иногда очень слабая, а иногда до того сильная, что ученикъ невольно даже вскрикиваетъ при каждомъ ударѣ. Надобно отдать справедливость искусству Гр—са въ этомъ упражненіи: такъ больно, какъ онъ, никто не давалъ этихъ палей. Онъ какъ-то особенно искусно бралъ въ руки пальцы виновнаго, и такъ выворачивалъ вверху ладонь, что удары происходили сильные и громче; они слышались обыкновенно даже въ другой комнатѣ. Каждый разъ какъ приступалъ онъ къ этой операціи, глаза его блистали удовольствіемъ, и чѣмъ болѣе давалъ онъ ихъ, тѣмъ болѣе глаза его разгорались, и тѣмъ сильнѣе сыпались удары. Число палей доходило иногда до тридцати на каждую руку, такъ что не только ла-

дони пухли, но иногда даже показывалась кровь. Словомъ, это была настоящая пытка. Кто больше кричалъ, тотъ больше доставлялъ Гр—су наслажденія; кто послѣ первыхъ двухъ палъ, потирая руками о колѣна, колебался снова протянуть руку, тому число палъ прибавлялось. У одного изъ воспитанниковъ руки были весьма сухія; пали вслѣдствіе того, были для него больнѣе чѣмъ кому-нибудь; во все дежурство Гр—са несчастный трясся бывало какъ въ лихорадкѣ; Гр—съ, а за нимъ и мы, даже прозвали его трясункомъ: его-то наказывать палками было для Гр—са особенное удовольствіе. Гр—съ, будучи надзирателемъ, въ то же время преподавалъ у насъ въ первомъ классѣ уроки французскаго языка; но познанія его въ этомъ языкѣ были весьма слабыя; даже я, десятилѣтній мальчикъ, могъ это замѣтить; самыя спряженія глаголовъ спрашивалъ онъ не иначе какъ съ грамматикой Домонда въ рукахъ. Въ эти-то минуты и было для него главное раздолье раздавать пали. Входитъ онъ бывало, щипля бакенбарду,—признакъ, что онъ не въ духѣ. Положимъ, урокъ—спряженіе глаголовъ. Лѣнивыхъ онъ зналъ, и тотчасъ начинаетъ ихъ вызывать: «Эй ты, трясуча, вощей безсмертный, сурокъ (почти каждому у него было дано прозвище), ну, спрягай le présent d'aimer.» Тотъ, плохо зная, а еще болѣе, запуганный, вретъ что попало, второй слѣдуетъ его примѣру, и третій тоже. Глаза Гр—са сверкаютъ, и онъ начинаетъ, смотря въ раскрытую грамматику, такъ: j'aime, и первому пали, tu aimes и—пали, il aime—третьему пали. Множественное число идетъ тѣмъ же порядкомъ, и такимъ образомъ, съ палями, онъ спрягалъ весь глаголъ, во всѣхъ наклоненіяхъ. Классы Гр—са почти всѣ приходились въ 3 часа пополудни, а онъ, обѣдая въ часъ, имѣлъ обыкновеніе соснуть послѣ обѣда. Для воспитанниковъ очень важно было, чтобъ Гр—съ соснулъ хорошенько, и вообще пріялъ въ добромъ расположеніи духа. По своему званію надзирателя, онъ жилъ въ самомъ училищномъ домѣ, на нижней квартирѣ, и у него, колотилка лѣтъ подъ пятьдесятъ, но еще очень бодраго, была въ услуженіи ключницей, и всѣмъ чѣмъ угодно, не болѣе какъ двадцатилѣтняя, очень смазливая дѣвочка, которую, какъ десять помню, звали Оленькой. Къ этой-то Оленькѣ обыкновенно обращались воспитанники съ просьбою, чтобъ она была какъ можно любезнѣе съ Гр—сомъ предъ нашимъ классомъ. «Эная Оленька, говорили мы, когда Гр—съ приходилъ очень золъ: какъ она его разсердила, не умѣя

хорошенько разбудить». А мы очень хорошо умѣли различать, въ какомъ онъ расположеніи духа. Если онъ вызывалъ шестерыхъ учениковъ: это было признакомъ, что онъ еще не совсѣмъ сердитъ; единственное и множественное числа раздѣлялись тогда не между тронми, а между шестерыми учениками, и слѣдовательно, каждому доставалось только по одной палѣ. Но бывали случаи,—и это значило, что онъ въ самомъ дурномъ расположеніи,—на все спряженіе вызывался всего одинъ ученикъ, и всѣ муки выпадали на него одного; въ такихъ случаяхъ, хотя бы воспитанникъ и зналъ кое-что, не уже и отъ одного испуга, что вызванъ одинъ, и отъ страшнаго ожиданія, онъ совершенно терялся, и разумѣется, получалъ предназначенную порцію. Извѣстно, если Гр—съ былъ совершенно доволенъ своею Ѳенькой, онъ вызывалъ лучшихъ учениковъ. Вообще, всѣ воспитанники оказывали особенное уваженіе Ѳенькѣ, болѣе взрослые даже строили ей куры. Не долго впрочемъ продолжались наши мученія. К—й, нѣкоторые говорятъ—по приказанію оберъ-директора, уволилъ его отъ службы.

Не припомню, чуть ли не на мѣсто Гр—са поступилъ къ намъ надзирателемъ Андрей Ивановичъ Р—ъ; если это дѣйствительно было такъ, то можно сказать, что мы проиграли кукушку на ястреба. Если Гр—са можно сравнить съ тигромъ яростно нападающимъ на человѣка, то Р—я должно сравнить съ красивою, но самою ядовитою змѣей, которая тихонько къ вамъ подкрадывается. Эта разница ихъ характеровъ выражалась и въ способахъ наказаній, которые они употребляли. Гр—съ рвалъ оврзу, но Р—ъ умѣлъ придумывать такія наказанія, которыя на видъ были не столь жестоки, но на дѣлѣ гораздо мучительнѣе. Даже самая физіономія перваго, съ его кровавыми глазами, сейчасъ показывала тирана, между тѣмъ какъ у Р—я была физіономія очень благовидная, манеры чрезвычайно привлекательныя; въ разговорахъ съ воспитанникомъ онъ былъ скорѣе сладокъ нежели суровъ, даже и въ томъ случаѣ, когда онъ допрашивалъ свою жертву уже заподозрѣнную въ какой либо шалости, и мысленно обреченную наказанію. Прежде всего скажу, что Р—ъ самъ воспитывался въ школѣ іезуитской, а потому ввелъ и у насъ ту же систему. А кому неизвѣстно, до какой степени она безнравственна? Шпіоновъ между воспитанниками онъ развелъ безчисленное множество. Къ директору же умѣлъ такъ вкрасться въ довѣренность, что сдѣлался совершенно его правою рукой. Его стали бояться не только

воспитанники, но даже его товарищи-надзиратели. Сдѣлаемъ, положимъ, какой-либо проступокъ въ дежурство извѣстнаго надзирателя, и сошелъ благополучно съ рукъ; въ прежнее время, дѣло въ такомъ случаѣ считалось конченнымъ. Но при Р—ѣ пошло не такъ; если онъ узнавалъ о такомъ происшествіи, хотя бы оно случилось и не въ его дежурство, онъ непремѣнно начиналъ переизслѣдованіе. Какъ теперь помню не совсѣмъ пріятный казусъ въ этомъ родѣ, случившійся со мной самимъ. Это было въ третьемъ классѣ. Пользуясь близостью классного помѣщенія съ такъ-называемою публичною большою залой (третій классъ былъ рядомъ съ нею), человѣкъ шесть воспитанниковъ, и въ томъ числѣ я, имѣли обыкновеніе вечеромъ, въ то время, когда ученики передъ отходомъ въ спальню становились въ пары, раза три пробѣжать въ потьмахъ по этой залѣ, и къ концу прокатиться на ногахъ по окольско-натертому паркету. Это у насъ называлось «ѣхать на пожаръ». Однажды, во время такого катанья, несчастному воспитаннику Г. [1] случилось упасть и разбить себѣ носъ. На другой день утромъ былъ дежурнымъ надзирателемъ К. И. Фр—нъ, добрѣйшій человѣкъ, о которомъ рѣчь будетъ ниже. Увидавъ обезображенную фигуру мальчика, Фр—нъ подбѣжалъ къ нему.

— Г., что это такое?

— Ушибся, Карлъ Ивановичъ, вчера; вѣдь это не въ ваше дежурство.

— А, не въ мое! сказалъ Фр—нъ, и ушелъ, успокоенный отвѣтомъ.

Но къ несчастію, послѣ обѣда дежурнымъ былъ Р—ь, и какъ Г. ни укрывался, проницательный взоръ надзирателя замѣтилъ слѣды преступленія. Началось слѣдствіе; Г. долженъ былъ во всемъ сознаться, да иначе и нельзя было; и вотъ послѣдовала резолюція: чтобы всѣ мы шесть человѣкъ пожарныхъ, въ теченіи цѣлаго мѣсяца, во все рекреаціонное время, стояли на колѣняхъ по двое, обратясь лицомъ къ дверямъ залы, по которой бѣгали, и чтобы изъ насъ шести, каждая пара смѣняла другую черезъ часъ. Сверхъ того, во все это время насъ не пускали домой; воскресенья и праздники мы должны были также поочередно дежурить на колѣняхъ попарно. Не правда ли, наказаніе не слишкомъ легкое за та-

---

[1] Въ послѣдствіи былъ въ Московскомъ университетѣ; нынѣ откупщикъ.

кую невинную шалость? Мы бы всѣ предпочли не только пали Гр—са, но даже розги.

Наблюдая, чтобъ ученики не грызли ногтей, Р—ь часто осматривалъ у воспитанниковъ руки. Если онъ замѣчалъ при этомъ, что ногти были обгрызены, а въ особенности, если ловилъ кого на дѣлѣ, онъ подзывалъ тогда воспитанника къ себѣ, бралъ его руку, складывалъ вмѣстѣ концы пальцевъ и сильно ударялъ нѣсколько разъ то по одной, то по другой рукѣ линейкой. Хотя я этого, благодаря Бога, на себѣ не испыталъ, но, по словамъ испытавшихъ, боль отъ этого наказанія, была очень сильна, что даже пали Гр—са въ сравненіи съ нею были ничто. Да и можно вѣрить такимъ отзывамъ, судя по тому крику, какой надзиратель испытываемые, и по тѣмъ унизительнымъ просьбамъ о пощадѣ, которыми они старались умилостивить жестокаго надзирателя. У насъ были ученики, которые и подъ розгами не издавали звука раскаянія, но молчали, закусивъ зубами подушку, за что, конечно, наказывались и сильнѣе и продолжительнѣе; но тутъ даже и эти герои плакали и просили о пощадѣ; и какое терзаніе за то, что грызли ногти!

Жестоко это наказаніе было въ физическомъ отношеніи, но чуть ли не жестче наказаніе придумалъ Р—ь въ моральномъ отношеніи, хотя оно съ виду кажется и довольно легкимъ. Случится, напримѣръ, при общей тишинѣ въ столовой, кому-нибудь мяукнуть кошкой; Р—ь, въ наказаніе, посадитъ этого воспитанника изъ низшаго класса, въ которомъ онъ числится, въ старшій, мѣсяца на два и даже на шесть. Это значило, что по окончаніи классовъ, каждый разъ, воспитанникъ долженъ былъ отправляться въ старшій классъ; а я уже говорилъ, какое отношеніе у насъ было между классами. Словомъ, это значило осудить воспитанника, въ теченіи всего рекреаціоннаго времени, на созерцательное молчаніе и сидѣнье на одномъ назначенномъ мѣстѣ. Въ послѣдствіи, Р—ь сталъ дѣлать даже наоборотъ, то-есть воспитанниковъ высшаго класса сажалъ въ низшіе: для учениковъ это наказаніе было самое унизительное. Я увѣренъ, что всякій согласился бы лучше десять разъ быть высѣченнымъ. Чтобы вполнѣ обрисовать личность Р—я, разскажу послѣдній анекдотъ, въ которомъ выражается его сладкорѣчивость, соединенная съ жестокостью. Состоя надзирателемъ, онъ въ то же время училъ насъ нѣмецкому языку. Одинъ разъ, объясняя намъ склоне-

нія, онъ писалъ окончанія падежей мѣломъ на большой деревянной доскѣ, какія существуютъ во всѣхъ заведеніяхъ, и всѣмъ извѣстны. Окончивъ это, онъ обратился къ воспитанникамъ:

— Ну, дѣти, поняли?

Мы всѣ хоромъ отвѣчали: «поняли-съ, Андрей Ивановичъ», хотя я увѣренъ, бо́льшая половина не поняла.

— А если кто изъ васъ, дѣти, не понялъ, продолжалъ онъ своимъ медоточивымъ голосомъ,—то лучше скажите, я еще разъ объясню.

Вдругъ встаетъ одинъ ученикъ, Сукаревъ, которому, впрочемъ, и дѣла-то мало было до нѣмецкой грамоты, но вѣроятно онъ желалъ подслужиться, тѣмъ болѣе что передъ самымъ классомъ Р—ь отвалялъ его линейкой по пальцамъ за грызеніе ногтей.

— Я не понялъ, Андрей Ивановичъ, сказалъ Сукаревъ.

— Ну, поди сюда, мой другъ.

Тотъ подходитъ къ доскѣ.

— Какъ же ты, мой милый, не понялъ, говоритъ Р—ь,— когда всѣ другіе поняли? вѣдь вы, дѣти, поняли?—Беретъ его за волосы и начинаетъ: «Nominatif—*e*», и бухъ лбомъ о доску, «Genetif—*s*», бухъ вторично, и такъ далѣе; просклонявъ до конца, онъ спросилъ: «ну, что̀, теперь понялъ?»

— Понялъ-съ, отвѣчалъ мальчикъ сквозь слезы.

— Ну, садись, мой любезный на мѣсто, да впередъ будь внимательнѣе, а то вѣдь изъ-за тебя задерживается весь классъ. Ну, теперь всѣ поняли?

— Какже, поняли-съ, еще съ большею увѣренностію крикнули мы хоромъ.

Отдана же ему въ свою очередь должная благодарность и воспитанниками.

Года черезъ три, забравъ въ свои руки полную власть и сдѣлавшись уже не надзирателемъ, а какимъ-то инспекторомъ, чего у насъ не предполагалось, Р—ь занемогъ опасною и продолжительною болѣзнію. Еслибъ онъ зналъ, съ какимъ участіемъ ученики слѣдили за ходомъ его болѣзни! Когда доходили до насъ слухи, что Р—ю лучше, всѣ лица дѣлались сумрачными, даже у его любимцевъ; когда говорили, что Р—ю опять хуже, всѣ лица опять прояснялись; а кризисъ этотъ возобновлялся раза четыре. Наконецъ, когда мы узнали черезъ рабочаго Савку, что Р—ь умеръ, мы сначала не повѣ-

рили,—такъ велика была радость, такъ велика была боязнь, что снова появится между нами жестокій надзиратель!

Перейдемъ теперь къ болѣе-свѣтлымъ личностямъ.

Былъ у насъ надзиратель Густавъ Андреевичъ Ш—ръ. Онъ выдавалъ себя за роднаго брата одного извѣстнаго генерала. Если это и справедливо, то, во всякомъ случаѣ, умомъ онъ нисколько не походилъ на своего брата, потому что былъ весьма ограниченъ. Характеромъ онъ былъ хотя не злой, но весьма взбалмошный, что̀ стоитъ одно другаго; наконецъ, онъ былъ почти всегда навеселѣ, а по праздникамъ, и особенно послѣ обѣда, приходилъ даже просто полупьяный. Страсть его была разсказывать анекдоты, которыхъ у него было штукъ пятьдесятъ, и которыми онъ насъ подчивалъ въ теченіи восьми лѣтъ, и, несмотря на общеизвѣстность этихъ анекдотовъ, онъ всегда увѣрялъ, что они случались именно съ нимъ. Такъ, напримѣръ, разказывалъ онъ: «Когда я былъ въ Лифляндіи у одного богатаго барона гувернеромъ при его сынѣ, этотъ мальчикъ имѣлъ привычку сначала запираться въ своихъ преступкахъ, а потомъ, когда на него прикрикнешь, онъ тотчасъ сознавался. Однажды спрашивалъ я его: Кто создалъ міръ?—Не я, отвѣчалъ онъ.—Какъ не ты? закричалъ я на него.—Виноватъ, я, я.—Ха, ха, ха! отвѣчали на это мы всѣ хоромъ, хохоча сколько было силъ и возможности, несмотря на то, что анекдотъ этотъ уже прежде былъ читанъ нами, а потомъ въ теченіи курса навѣрно до ста разъ слышанъ отъ самого Ш—ра. Смѣхъ нашъ доставлялъ Ш—ру большое удовольствіе. Разказавъ анекдотъ одному классу, онъ вставалъ съ лавки и отправлялся словоохотливымъ шагомъ въ слѣдующій классъ. Хитрые шалуны такъ его уже ожидали въ дверяхъ.

— Что̀ это вы, Густавъ Андреевичъ, разказывали въ третьемъ классѣ? Разкажите и намъ.

Та же исторія вновь имъ съ удовольствіемъ повторялась, а потомъ повторялась и въ слѣдующемъ классѣ. Между тѣмъ въ прочихъ классахъ, ученики, зная, что Ш—ръ занятъ разказами, дѣлали что̀ хотѣли; въ его-то дежурство болѣе всего мы и производили наши поѣздки въ залѣ на пожарѣ, оканчивавшіяся столь плачевнымъ образомъ.

Вообще, лучшіе баллы въ поведеніи ставилъ онъ тѣмъ, кто чаще слушалъ его анекдоты.

Однажды, приготовляя какой-то урокъ, я не подошелъ къ нему; въ то время какъ онъ разказывалъ, а напротивъ, сѣлъ

нарочно въ отдаленіи отъ прочихъ его слушателей. Ш—ръ, окончивъ разказъ, обратился ко мнѣ и говоритъ:

— С., а вѣдь ты на меня сердишься?

— Что̀ вы, Густавъ Андреевичъ, изъ чего вы это заключаете?

— Да ты не слушаешь моихъ анекдотовъ.

И въ мѣсячномъ рапортѣ выставилъ мнѣ въ поведеніи 3, то-есть хорошо, тогда какъ обыкновенно ставилъ 4—очень хорошо.

За то я сдѣлался осторожнѣе. Разъ тоже мнѣ никакъ нельзя было слушать его розказней, и я сидѣлъ весьма далеко отъ толпы, занимаясь приготовленіемъ урока. Когда толпа, окружавшая его, разразилась хохотомъ, я, ничего не слыхавъ, заржалъ въ полномъ смыслѣ этого слова, такъ что онъ это замѣтилъ и обратился ко мнѣ:

— Ты, С., чему смѣешься?

— Да ужъ больно смѣшно, Густавъ Андреевичъ, разказываете.

— Да развѣ тамъ слышно?

— Еще бы! отвѣчалъ я.

— Нѣтъ, ты поди-ка сюда, я тебѣ разкажу случай бывшій со мною—еще забавнѣе.

И онъ началъ, въ особенности обращаясь ко мнѣ, новый анекдотъ, по окончаніи котораго мы опять разразились хохотомъ, и онъ, очень довольный, отправился съ этими разказами въ другой классъ.

Конечно, проводя за этимъ время, онъ не успѣвалъ наблюдать за поведеніемъ воспитанниковъ. Тѣмъ не менѣе, иногда, вслѣдствіе своего взбалмошнаго характера, особенно когда былъ навеселѣ, онъ придирался къ самымъ ничтожнымъ бездѣлицамъ и строго наказывалъ, крича во все горло: «я-те, свинопасъ по мордасамъ, я-те морду замятнаю,» и употребляя другія, столь же изящныя выраженія.

Не пускаясь въ подробности о другихъ надзирателяхъ, скажу нѣсколько словъ о нихъ вообще. Нѣкоторые изъ нихъ приходили къ намъ на дежурство съ занимательною книжкой, усаживались въ первомъ классѣ, и не дѣлали шагу въ другіе. Воспитанники въ этихъ послѣднихъ классахъ дѣлали, что̀ хотѣли; но къ чести нашего стоскаго директора, боясь его безотчетно какъ огня, мы особенныхъ шалостей не дѣлали; развѣ кто пуститъ фейерверкъ изъ канифоли, или выкуритъ

свернутую безъ табаку бумагу (тогда папиросы еще не существовали), или произойдетъ кулачный поединокъ, при чемъ двое, а иногда болѣе воспитанниковъ передерутся въ кровь.

Оканчиваю свой разказъ о надзирателяхъ свѣтлою личностію Карла Ивановича Фр—на. Ему было лѣтъ подъ пятьдесятъ; онъ былъ почти совсѣмъ лысый; лицомъ, нельзя сказать чтобы красивъ, но до такой степени физіономія его дышала добротой, что всякаго къ нему располагала. Человѣкъ онъ былъ если и не умный, то весьма начитанный; никакая наука не была ему совершенно чужда. Онъ любилъ по разнымъ вопросамъ заводить съ лучшими учениками пренія, и когда спорившіе не соглашались, отсылалъ ихъ за окончательнымъ разрѣшеніемъ къ старшему учителю того предмета, котораго касался споръ. Нѣмецкій языкъ онъ зналъ основательно и преподавалъ его первоначально во второмъ и третьемъ классѣ, а потомъ и въ четвертомъ, по методѣ, которая была бы весьма хороша, еслибы вмѣстѣ съ этимъ, внѣ классовъ, ученики, хотя въ нѣкоторые дни, были обязаны говорить по-нѣмецки. Въ свое дежурство, онъ дѣйствительно требовалъ, чтобы мы занимались нѣмецкимъ разговоромъ, и съ удовольствіемъ разговаривалъ съ тѣми, которые къ нему подходили. Но какой разговоръ можетъ быть непринужденнымъ между надзирателемъ и воспитанникомъ? Къ нему подходили болѣе передъ мѣсячнымъ рапортомъ тѣ изъ воспитанниковъ, которые желали выслужиться, и притомъ заранѣе приготовивъ фразы; при выставленіи балловъ, дѣйствительно, они и выигрывали. Вотъ какъ это происходило. Фр—нъ съ воспитанникомъ ходитъ взадъ и впередъ, разсуждая на нѣмецкомъ діалектѣ; какой нибудь шалунъ подкрадется сзади, вынетъ у Фр—на изъ задняго кармана платокъ, и потомъ подбѣгаетъ:

— Карлъ Иванычъ, Ihre Taschentuch.

— Ich danke ihnen sehr, отвѣчаетъ Фр—нъ,—и не догадываясь о продѣлкѣ, кладетъ платокъ въ карманъ.

Иногда эта продѣлка черезъ полчаса повторялась опять, и даже тѣмъ же самымъ воспитанникомъ.

— Ну, Ивановъ, говоримъ бывало тому изъ воспитанниковъ, который разговаривалъ съ Фр—мъ,—что взялъ? вишь какая выскочка! А вы, братъ, и сами говорили по-нѣмецки съ Карломъ Ивановичемъ.

Фр—нъ боялся, болѣе нежели воспитанники, не только К—го, который очень часто замѣчалъ ему, что онъ слишкомъ добръ

что воспитанники этого не чувствуютъ (это было отчасти справедливо), и что съ нами должно обращаться какъ можно строже; но боялся и даже болѣе чѣмъ сами воспитанники надзирателя Р—я, несмотря на свое старшинство передъ нимъ (Фр—нъ долѣе его занималъ должность надзирателя, и сверхъ того былъ старшимъ учителемъ нѣмецкаго языка, тогда какъ Р—ъ былъ младшимъ).

Когда подходилъ къ Фр—ну какой-нибудь воспитанникъ съ жалобой на другаго, онъ подавалъ виновнаго (или чаще, виновный самъ тотчасъ подбѣгалъ къ нему); начинается, разумѣется, оправданія, и обратныя жалобы на того, кто жаловался. Фр—нъ всегда старался помирить поссорившихся, если была какая-нибудь къ тому возможность, и разсудивъ всегда справедливо, говорилъ съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ:

— Оставь его, невощика!

По всеобщему расположенію къ нему, дѣло большею частію и оканчивалось этимъ.

Взысканія его, вообще, были весьма слабы въ сравненіи съ тѣми, какія употреблялись другими надзирателями, такъ что Р—ъ, часто узнавъ стороною, въ чемъ было дѣло, пользовался своимъ дежурствомъ, чтобы вторично наказать воспитанника, на котораго уже было положено взысканіе Фр—номъ.

Когда Фр—нъ замѣчалъ у кого-нибудь изъ воспитанниковъ синякъ подъ глазомъ, шишку на лбу, или что подобное, стоило только сказать, что шалость случилась не въ его дежурство, и онъ спокойно отходилъ. Въ послѣдствіи мы такъ привыкли къ его трусливому вопросу: «а въ чье дежурство это было?» что не давая и спросить, тотчасъ радовали его отвѣтомъ: «это не въ ваше дежурство.» Стараясь спрятаться въ другія дежурства, воспитанники, съ разными «знаками отличія», при немъ не боялись быть на первомъ планѣ. Директоръ это зналъ, и часто говорилъ Фр—ну: «если вы замѣтите какого-нибудь шалуна-воспитанника, ведите его тотчасъ ко мнѣ, я съ нимъ распоряжусь.» Сначала, этого мы весьма боялись, по очень-простой причинѣ: кромѣ директора, насъ никто не имѣлъ права наказывать розгами, директоръ же почти каждый разъ подвергалъ воспитанника этому наказанію, какъ скоро которого-нибудь приводилъ къ нему надзиратель; да и точно, къ директору прочіе надзиратели водили только за большія преступленія, особенно за грубость. Итакъ Фр—нъ, пользуясь совѣтомъ директора, хватая бывало какого-нибудь шалуна за воротникъ

фрака, и тащилъ въ квартиру директора. Но у самыхъ дверей, имъ самимъ овладѣвалъ какой-то паническій страхъ, а можетъ-быть и по добротѣ сердца онъ останавливалъ: «Ну что, хочешь попробовать березовой каши?»

— Карлъ Ивановичъ, простите, никогда не буду.

— То-то же, швинья, говорилъ онъ, и съ видомъ побѣдителя отпускалъ воспитанника.

Не долго однакожь продолжалась эта комедія. Мы скоро смекнули, что Ф—нъ самъ, болѣе насъ, боится переступить за двери директорской квартиры. Потому, въ послѣдствіи, когда онъ схватывалъ насъ зашиворотъ и тащилъ къ директору, мы ужь не упирались, а шли свободно. Онъ все-таки подводилъ къ самымъ дверямъ, и спрашивалъ по своему обыкновенію: «Ну что, хочешь отворю?»—Какъ вамъ угодно, вѣдь я совершенно правъ.—«Ну, смотри извощикъ, на первый разъ тебя прощаю.»

Разъ такимъ образомъ Ф—нъ тащилъ какого-то воспитанника; только что приближается къ дверямъ, вдругъ изъ дверей самъ директоръ; Ф—нъ принужденъ былъ объяснить въ чемъ дѣло, и его превосходительство возвратился, спросилъ розги, и наказалъ весьма сильно воспитанника. Съ тѣхъ поръ храбрость наша нѣсколько поуменьшилась. Но что же вы думаете, Ф—нъ? возгордился своимъ торжествомъ? Нѣтъ, упалъ духомъ; долго не хватался за воротникъ фрака, а передъ наказаннымъ воспитанникомъ заискивалъ.

Онъ же былъ у насъ, какъ я сказалъ, со втораго класса учителемъ нѣмецкаго языка.

Разъ какъ-то, когда одинъ воспитанникъ читалъ вслухъ нѣмецкую хрестоматію и переводилъ, а мы всѣ остальные должны были слѣдовать за нимъ по открытой передъ каждымъ хрестоматіи, занятіе это мнѣ показалось скучнымъ. Отворивъ ящикъ, я положилъ въ немъ только что вышедшій въ то время романъ Свиньина *Шемякинъ судъ*, и такъ углубился въ чтеніе, что не замѣтилъ какъ Ф—нъ подкрался ко мнѣ съ грозными словами.

— А, такъ-то ты слѣдуешь, швинья!

Ф—нъ схватилъ книгу, и положилъ ее на каѳедру, а меня поставилъ на колѣни. Къ несчастію, въ этотъ классъ приходилъ директоръ; Ф—нъ поневолѣ долженъ былъ разказать въ чемъ дѣло, и директоръ, осмотрѣвъ мой ящикъ, досталъ и остальныя

три части этого романа, прехладнокровно взялъ ихъ себѣ, и съ тѣхъ поръ о нихъ ни слуху, ни духу. Вѣроятно, онъ ими увеличилъ свою библіотеку, а между тѣмъ я долженъ былъ за нихъ заплатить въ библіотеку для чтенія пятнадцать рублей ассигнаціями, что̀ составляло весь мой капиталъ, и потому наказаніе было для меня весьма чувствительно. Я хорошо зналъ и тогда, что Ф—нъ не съ умысломъ подвелъ меня, но все-таки нѣсколько времени школьнически ему мстилъ. Раскрою нарочно какую-нибудь книгу, а въ ящикъ положу нѣмецкую хрестоматію, и углублюсь въ нее. Сосѣдъ, между-тѣмъ, долженъ былъ меня толкать ногой въ то время какъ Ф—нъ на меня будетъ смотрѣть. При этомъ я, съ притворнымъ испугомъ, затворялъ ящикъ, и смотрѣлъ въ открытую предо мною книгу. Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ эволюцій, хитрость моя удалась. Ф—нъ приблизился на цыпочкахъ къ нашему столу, кинулся ко мнѣ въ ящикъ, какъ ястребъ на свою добычу.

— А, ты опять читаешь запрещенныя книги?—Онъ схватилъ нѣмецкую книгу, и, скомфуженный, кинулъ ее мнѣ обратно, говоря съ сердцемъ:

— О, свинья, извощикъ!

Конечно, весь классъ, видя его неудачу, разразился хохотомъ.

Упражненія, которыя задавалъ намъ Ф—нъ, на неправильные глаголы, начинались съ глагола brennen жечь, фразою: «я сжегъ эти безполезныя бумаги».

Однажды, приходитъ Ф—нъ въ классъ и говоритъ: «ну, господа, сегодня мы займемся упражненіями на неправильные глаголы». Я встаю и очень хладнокровно говорю:

— Карлъ Ивановичъ, я сжегъ эти безполезныя бумаги.

— Что̀? спрашиваетъ онъ.

— Я сжегъ эти безполезныя бумаги, отвѣчалъ я съ тѣмъ же хладнокровіемъ.

— Свинья, извощикъ, закричалъ онъ такъ что въ сосѣднихъ классахъ было слышно.

— Что̀ же вы, Карлъ Ивановичъ, бранитесь, отвѣчалъ я ему обиженнымъ тономъ,—я спрашиваю васъ о тѣхъ упражненіяхъ, которыя начинаются фразою: «я сжегъ эти безполезныя бумаги.»

— Ну, да, отвѣчалъ онъ, скрежеща зубами, и прошепталъ:— негодяй, лѣнтяй!

Торжество мое было совершенное. Какъ же, вы думаете, отмстилъ мнѣ Ф — нъ? въ мѣсячномъ рапортѣ поставилъ четыре съ крестомъ, что у насъ ставилось только двоимъ первымъ ученикамъ; а онъ могъ бы поставить мнѣ и единицу, противъ чего мы не имѣли права дѣлать возраженій.

Наконецъ разкажу еще забавное происшествіе.

Одинъ изъ воспитанниковъ попался такимъ же образомъ, какъ и я, съ романомъ Поль-де-Кока.

— О, я съ тобою много разговаривать не буду. Становись на колѣни, а книгу я передамъ его превосходительству. (К—ій въ то время былъ только статскимъ совѣтникомъ, но несмотря на это, всѣ, какъ воспитанники, такъ и учители, величали его превосходительнымъ.) Былъ уже послѣдній вечерній классъ; директоръ въ теченіи цѣлаго дня не являлся; поэтому надобно было непремѣнно ожидать его прихода. Воспитанникъ сильно струсилъ. Но мы, нѣсколько человѣкъ, подошли къ каѳедрѣ, какъ будто желали разрѣшить между нами споръ на счетъ какого-то вопроса, изъ нѣмецкой грамматики, и когда Ф—нъ съ жаромъ сталъ намъ объяснять, одинъ изъ воспитанниковъ стянулъ книгу *Монфермельская молочница,* а на мѣсто ея положилъ катихизисъ Филарета. Входитъ директоръ, и видитъ, что одинъ изъ воспитанниковъ, и притомъ его любимецъ, потому что это былъ отличный пѣвчій, стоитъ на колѣняхъ.

— Карлъ Ивановичъ, что это онъ сдѣлалъ?

Карлъ Ивановичъ, довольный что директоръ не будетъ упрекать его въ излишней мягкости характера, съ достоинствомъ отвѣчаетъ ему:

— А вотъ извольте посмотрѣть, ваше превосходительство, чѣмъ занимается онъ въ классѣ нѣмецкаго языка.

Но каково же было удивленіе Ф — на, когда директоръ развернувъ книгу, сказалъ:

— Г., вѣдь всему есть время; развѣ ты не знаешь, что во время нѣмецкаго языка этимъ не занимаются? и отдалъ ему книгу.

— Впрочемъ, на первый случай вы его простите, а въ другой разъ онъ этого дѣлать не будетъ. Вѣдь ты этого дѣлать не будешь?

— Никогда не буду, ваше превосходительство, отвѣчалъ вставая съ колѣней Г., боясь разразиться хохотомъ.

Ф—нъ остолбенѣлъ, не догадываясь въ чемъ дѣло, а результатомъ этого было, что съ тѣхъ поръ Ф—нъ въ мѣсяч-

ныхъ рапортахъ этому воспитаннику, вмѣсто единицы, какъ прежде ставилъ, въ первомъ же послѣ этого происшествіи рапортѣ поставилъ три, а въ послѣдствіи сталъ ставить по четыре, уже совершенно незаслуженно, ибо воспитанникъ пересталъ совсѣмъ учиться. А директоръ былъ весьма доволенъ, что навелъ юношу на путь прилежанія въ нѣмецкомъ языкѣ.

Съ тѣхъ поръ Ф—нъ уже пересталъ отбирать у насъ книги.

Теперь слѣдовало бы сказать мнѣ о нашихъ учителяхъ; но отлагаю разказъ до другаго раза.

С—въ.